

Полина Орынянская

Ростки бывшего лета

Другое лето

Зеленью пахнет, сыростью и теплом.
Травы торопятся в каждой щели взойти...
Лето становится коротко и мало,
будто с годами садится его сатин.

Всё, как обычно: осень, зима, весна...
Вдруг просыпаешься — боже, под пятьдесят!
Ах, одуванчик, беспечная седина.
Как же блаженно минуты его летят —

пухом прозрачным меж бабочек и шмелей,
жадно хмелея от крошечной высоты,
с ветром, по ветру, всё призрачней и белей,
вольно, легко, качаясь, кружа... А ты

выйдешь из дома — знакомых дорог круги,
как годовые кольца — поди сочти.
Только на лето становится всё другим.
День не торопишь, не дышишь над ним почти.

Воля твоя — и каждый его пустяк,
словно секретик, спрятал бы под стекло —
пёрышко, листик, вечерней зари медяк...
Окна раскрыты, и шторы летят, летят.
Лето, как детство, и коротко, и мало...

Орынянская Полина Валерьевна — поэт, журналист, редактор. Родилась и живет в подмосковной Балашихе. В 1992 году закончила журфак МГУ. Работает в издательском доме «Бауэр Медиа». Автор поэтических сборников «Придумай мне имя» (2016) и «Цвет люпина» (2017). Лауреат нескольких конкурсов «Кубок мира по русской поэзии» (2016, 2017) и 8-го открытого Чемпионата Балтии по русской поэзии (2019). В журнале «Дружба народов» печатается впервые.

Домой

Я сворачиваю за угол.
Там — дворами напрямик.
Мимо старого продмага,
двухэтажек-горемык
и цветочного подвальчика
(10 роз за 300 рэ,
продащица тётя Валечка
с обесцвеченным каре),
мимо садика с заснеженным
пионером-трубачом,
и, конечно же, конечно же,
мимо клуба с Ильичом,

мимо школы, мимо винного,
мимо старых гаражей
жизни этой половину
исходила я уже...
Ничего тут не меняется —
уезжай ли, приезжай.
Жизнь, старуха-постоялица,
всё скрипит по этажам.
Годы сложены в поленницу.
Не найдётся ли огня?..
Ничего тут не изменится
без меня.

Из глубины осенних холодов

Из глубины осенних холодов
всё тянутся ростки былого лета.
Так у давно оплакавшихся вдов
фантомной болью пыхнет сигарета
в зубах совсем чужого мужика
на волглom полустанке возле дачи...

Уже черна по-зимнему река,
тиха, нема, а водомерка скачет,
высматривает в сумерках воды
клочок небес — портал в другое лето.
Всё помнит, как кувшинки золоты,
дрожит ивняк и плюхают хвосты
среди камней и солнечного света.

Но будто выцвел к осени рогоз.
Скрипят протяжно ели-перестарки,
и свечи догорающих берёз
среди сосняка беспомощны и жарки...

Пускай мне и отпущено лет сто,
идёт любая осень за две всё же.
Лампадно в пальцах теплится листок.
Лети, хороший.

Лисапед

Старый лисапед отзимовал
под навесом, как барбос дворовый.
Ржаво шелупонится металл...
Но под тётей Надей-то, коровой,
он ещё побегаёт — ого!
Потрясёт её большие булки.
Вот, бывало, сядет на него —
сладострастно взвизгивают втулки.
Только тени сменят жаркий свет,
потная возлюбленная Надя

гонит престарелый лисапед
в магазин по кочкам на ночь глядя.
Цепь скрипит, и блямкает звонок.
Слышен хриплый покрик петушиный.
И тепло сиденью между ног.
И довольно крякают пружины...
Приезжай! Смотри, уже тепло.
Засиделась в городе, корова!..
И блестит на солнышке крыло,
как у молодого.

Колесо сансары

Тянет ветер облака —
белые заплаты.
Я не думала пока,
кем вернусь обратно.

Может, выпадут росой
на рассвете хмуром.
Может, буду стрекозой —
пучеглазой душой.

Может, кошкой заведусь
у себя в подъезде.
Не узнают — ну и пусть,
лишь давали есть бы.

Или выцветет закат
в августе горячем —
я звездой в звездопад
пролечу над дачей.

Даже, кстати, не беда
в море стать кальмаром.
Покручу туда-сюда
колесо сансары.

То побуду червяком,
то побуду птицей,
чтоб рассказывать потом
детям небылицы

на стрекозьем языке,
на мышинном писке
и на принятом в реке
плеске-бульке-брызге...

Или вырасту в саду
сорняком без толку.

В общем, если и уйду —
это не надолго.

Дед

Гадает дед на зареве зарниц,
на травах и росе, на лёте птиц
и на дымах над латанною крышей.

Огладит лист, поправит стебелёк.
Подслеповато нюхает цветок,
поводит носом и вздыхает: ишь ты...

— Ничо-ничо... — По яблоне сухой
ведёт своей мосластою рукой.
Глядь — от корней повытянулись всходы.

Седой, как лунь. Штаны с десятком дыр.
Он ходит-бродит и спасает мир
от боли, хвори, злобы, непогоды.

Бормочет. Гонит тучи в высоте.
Дрова из леса носит на хребте,
весь жилами увитый, как шпалера.

— Ничо-ничо... — яишенкой шкворчит.
...Ты бормочи подольше, бормочи.
Пока ворчит огонь в твоей печи,
на свете точно есть любовь и вера.